

*А. Н. Халиков***ТАКТИКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СООТНОШЕНИИ
С ТРЕБОВАНИЯМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

© Халиков Аслям Наилевич (han010@yandex.ru), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Институт права, Башкирский государственный университет, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, дом 32.

Тема докторской диссертации: «Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект)». Автор более 280 научных работ, в том числе учебника «Оперативно-розыскная деятельность» (2016), монографии «Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми лицами органов власти» (2011). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Интересы в праве» (2019), «Руководство для следователя и его общественного помощника» (2019).

Область научных интересов: правовые основы оперативно-розыскной деятельности, философия права.

АННОТАЦИЯ

Проведен сравнительный анализ криминалистической тактики органов предварительного следствия с общими требованиями Конституции РФ, с принципами и задачами уголовного процесса. Изложена характеристика следственных органов России исходя из норм УПК РФ. Показано, что следственные органы полностью самостоятельны в части ведения предварительного следствия. Дан критический анализ уголовно-процессуального механизма, согласно которого органы следствия осуществляют свою деятельность вне прокурорского надзора и судебного контроля. Это ведет к существенным недостаткам, главными из которых являются нарушения прав человека и невыполнение задач уголовного судопроизводства. При таком уголовно-процессуальном механизме деятельности следственных органов в России не будет осуществляться надлежащая криминалистическая тактика, направленная на борьбу с преступностью.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; предварительное следствие; следственные органы; следователь; сторона обвинения; сторона защиты; уголовный процесс.

Цитирование. Халиков А. Н. Тактика предварительного следствия в соотношении с требованиями уголовного процесса // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 158–166. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-158-163>.

A. N. Khalikov

TACTICS OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN RELATION TO THE REQUIREMENTS OF THE CRIMINAL PROCESS

© **Khalikov Aslyam Nailevich** (han010@yandex.ru), Doctor of Law, professor, professor of the Department of Forensics, Institute of Law, **Bashkir State University**, 32, Validy Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Theory and practice of revealing and investigating malfeasance (forensic aspects)». Author of more than 280 scientific works, including textbook «Operative-search activity» (2016), monograph «Operative-search activity to fight against corruption crimes committed by persons of the authorities» (2011). A number of scientific papers written in collaboration: «Interests in law» (2019), «Guide for the investigator and his public assistant» (2019).

Research interests: legal foundations of operative-search activity, philosophy of law.

ABSTRACT

A comparative analysis of the forensic tactics of the preliminary investigation with the general requirements of the Constitution of the Russian Federation, with the principles and objectives of the criminal process. The characteristic of investigative bodies of Russia proceeding from norms of the Code of Criminal Procedure is stated. It is shown that the investigative authorities are completely independent in terms of conducting preliminary investigation. The article presents a critical analysis of the criminal procedure mechanism, according to which the investigation bodies carry out their activities outside the prosecutor's supervision and judicial control. This leads to significant shortcomings, the main of which are violations of human rights and failure to perform the tasks of criminal proceedings. With such a criminal procedure mechanism of the investigative bodies in Russia will not be carried out proper forensic tactics aimed at combating crime.

Key words: forensic tactics; preliminary investigation; investigative bodies; investigator; prosecution; defense; criminal process.

Citation. Khalikov A. N. *Taktika predvaritel'nogo sledstviya v sootnoshenii s trebovaniyami ugovolnogo protsesssa* [Tactics of preliminary investigation in relation to the requirements of the criminal process]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 4, pp. 158–163. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-158-163> [in Russian].

Тактика органов предварительного следствия исходит из использования эффективных средств и методов, направленных на борьбу с преступностью, которые вырабатываются криминалистикой на основе норм уголовного судопроизводства и в дальнейшем совершенствуются в теории и практике деятельности следственных и иных правоохранительных органов. Р. С. Белкин определял криминалистическую тактику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению преступлений [1, с.102]. Примерно такое же определение предлагают С. А. Величкин и Я. С. Величкин, добавляя, что способы и методы криминалистической тактики творчески приспособляются к уголовно-процессуальным нормам и используются всеми профессиональ-

ми участниками для эффективного решения стоящих перед ними задач судопроизводства [2, с. 90].

Тем самым использование понятия тактики в криминалистике однозначно связано с принципами уголовного процесса, положениями процессуального доказывания и иными институтами уголовно-процессуального права, причем речь идет не об узких нормах, регламентирующих деятельность следственных органов, а о совокупности норм УПК.

Вместе с тем требования к тактике предварительного расследования и следственных действий в ходе досудебного производства обозначены в УПК РФ (далее – УПК) несколькими положениями, в которых доминирующим направлением является самостоятельность следователя, а в целом следственных органов (СК РФ, следственные подразделения МВД и ФСБ) при расследовании уголовных дел.

В статье 38 УПК, перечисляющей полномочия следователя, имеются основополагающие положения о практически полной независимости следователя, который уполномочен самостоятельно на-

правлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласие руководителя следственного органа. В части поручений следователь имеет право давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Кроме этого, в ст. 189 УПК, посвященной порядку проведения допроса, указано, что при запрете задавать наводящие вопросы в целом следователь свободен при выборе тактики допроса. Данное положение о свободе тактики допроса вместе с самостоятельными полномочиями следователя, обозначенными в ст. 38 УПК, думается, распространяется и на все другие следственные действия, которые производит следователь. Более того, УПК, правда, опосредованно, дает и четкие гарантии самостоятельной тактики следователя при заявлении различных ходатайств участниками уголовного процесса, по которым следователь также самостоятельно принимает решение об их удовлетворении или неудовлетворении, но чаще всего последнее. Так, ст. 122 УПК определяет, что об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении следователь выносит постановление. Тем самым удовлетворение ходатайства остается на усмотрение следователя без каких-либо правовых ограничений. При этом на альтернативность принятия решения следователем по заявленным ходатайствам указывает еще одна норма – статья 159 УПК, которая также отдана на практически субъективное усмотрение следователя. В частности, в названной норме сказано, что подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, *об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела*. Далее, перечисленным лицам не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, *если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами*. Разумеется, значение для дела заявляемых ходатайств и предоставляемых материалов определяет исключительно следователь. И завершается рассматриваемая норма закономерным положением, указывающим фактически на необязательность выполнения следователем заявленных ходатайств, заключающейся в том, что «в случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление».

Самостоятельность тактических ходов следователя обеспечивается также и другими надзирающими и контролирующими органами в виде их невмешательства в работу следственных органов. Законодатель и Верховный Суд РФ практически закрепили абсолютную автономность деятельности следователя нормами, исключающими прокурорский надзор и судебный контроль на стадии предварительного следствия. Статья 37 УПК РФ, перечисляющая полномочия прокурора, не дает ни одного права прокурора вмешиваться в процесс расследования уголовного дела. Следователи могут предъявлять любые обвинения, содержать до крайних сроков обвиняемых под стражей, накладывать арест на любые материальные объекты, изымать денежные и материальные средства, проводить обоснованные и необоснованные следственные действия – прокуратура не вправе вмешиваться в этот «творческий» процесс, связанный в основном с существенным ограничением основных прав граждан и организаций, в том числе на свободу.

Весьма тонко суд также ушел от проблем предварительного следствия в случае обращений к нему с жалобами в отношении следователя в процессе досудебного производства. В частности, согласно п. 3.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 29.11.2016) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (*отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств* (выделено нами. – А. Х.); отказ следователя и дознавателя в возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; постановления следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы и т. п.).

Как видим, Верховный Суд РФ в нарушение требований ст. 125 УПК при ее должном толковании существенно сузил для судебной власти диапазон судебного обжалования действий органов предварительного следствия в части собирания и проверки доказательств, предъявления обвинения, выполнения ходатайств участников процесса. Отдельно заметим, что корреспондирующим с данным решением Верховного Суда РФ является известное положение, что суд не вправе рассматривать доказательства, на основе которых лицо заключается под стражу или под домашний арест, в этом случае для суда достаточно понятия «причастности» к совершению преступления. Последнее положение весьма сомнительно, особенно если сравнить его с полномочиями прокуроров,

которые до 2002 г. санкционировали арест и всегда при этом анализировали доказательства обвинения лица в совершении преступления. Нынешний суд на основании уголовно-процессуального закона от этого права рассматривать доказательства обвинения отказался.

Но мы не можем не отметить еще очень интересную деталь в нынешнем статусе органов предварительного следствия – это все уменьшающаяся самостоятельность самих следователей, процессуальные и тактические решения которых во многом зависят от усмотрения как непосредственного руководителя следователя, так и в целом всей иерархии руководства следственного органа. Возбуждение уголовного дела, многие решения, формирование обвинительного заключения следователь не может не согласовывать со своими руководителями под страхом дисциплинарной, а то и уголовной ответственности. И здесь мы согласны с С. А. Шейфером, который, анализируя тенденции развития органов предварительного следствия, писал, что вопрос о том, располагает ли следователь необходимой процессуальной самостоятельностью, звучит риторически, ибо ясно, что ее нет [3, с. 50].

И завершающий аспект самостоятельности следственных органов – это принадлежность их к стороне обвинения. Как указано в ст. 15 УПК, функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. И хотя, как пишет С. А. Шейфер, функцию следователя нельзя трактовать как одностороннюю обвинительную деятельность, трудно отрицать, что следователь – это участник процесса на стороне обвинения [4, с. 133].

Изложенная нормативная база основ следственной деятельности в России во многом отражается на личности работника следственных органов. Вышеперечисленные нормы УПК, свидетельствующие, во-первых, о принадлежности к стороне обвинения органов предварительного следствия; во-вторых, о весьма мощной самостоятельности названных органов; и в-третьих, об ограниченности самостоятельности фигуры следователя, составляют законодательный фундамент, на котором формируется соответствующая обвинительная психология следователей. Весьма точно на это указывает В. А. Лазарева, отмечая, что отнесенный законодателем к стороне обвинения следователь не может более претендовать на роль беспристрастного субъекта. То есть процессуальная форма познавательной деятельности следователя не может претендовать на роль инструмента, обеспечивающего достоверность, правильность, объективность содержания доказательственной информации, поскольку самому субъекту познания отказано в привилегии считаться более объективным и незаинтересованным, чем вторая сторона, то есть сторона защиты [5, с. 56].

Итак, если в целом говорить о тактической самостоятельности следственных органов, которые,

как колобок, и от прокуратуры ушли, и от суда ушли, то мы имеем весьма опасную тенденцию излишне автономного развития данных органов. В разумных пределах, конечно, следственные органы должны быть самостоятельны, чтобы адекватно бороться с преступностью, эффективно выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления. Однако речь идет о предварительной досудебной части уголовного процесса, в которой на сегодня сроки предварительного следствия растягиваются до одного года и больше. И соответственно, сроки содержания под стражей невиновных лиц (виновность признается только приговором суда), сроки их нахождения под другими мерами пресечения тянутся также более года. В этом же русле по основаниям, собранным органами предварительного следствия, может быть наложен арест на имущество, изъятие материальных и документальных объектов, денежных средств и т. д. Все это несет весьма неблагоприятные процессуальные последствия для всех участников расследования уголовного дела, и в первую очередь для обвиняемых и подозреваемых. И на весь этот период активных тактических и процессуальных действий органов предварительного следствия механизм уголовного судопроизводства на сегодня, к сожалению, не предполагает никакого постороннего вмешательства как действенного судебного контроля или надлежущего прокурорского надзора. А ведь, как писал М. С. Строгович, каково бы ни было убеждение лица, производящего дознание, следователя, прокурора о виновности обвиняемого, они не имеют права оставить ни одного оправдывающего обвиняемого обстоятельства без проверки, ни одного доказательства, свидетельствующего в пользу обвиняемого [6, с. 41–42]. Но кто же заставит следователя проверять оправдывающие или смягчающие обстоятельства по уголовному делу, если на это нет законодательных требований?

Из всего этого возникает *проблема осуществления надлежащей криминалистической тактики* в деятельности следственных органов, которая, исходя из норм УПК о полной самостоятельности следствия, полностью монополизирована данными органами. При этом, в силу нынешних процессуальных требований к органам следствия, такая тактика направлена исключительно на поиск, собиранье и проверку обвинительных доказательств при отсутствии интереса к смягчающим и тем более оправдывающим доказательствам. В этой связи В. М. Мешков пишет, что на каждую версию всегда есть контрверсия, однако следователи часто проверяют «любимую» версию совершения преступления, отказываясь от остальных [7, с. 5]. Но может ли сущность криминалистической тактики иметь место при указанной обвинительной регламентации сегодняшних следственных органов России?

Когда мы говорим о криминалистической тактике или тактике предварительного расследования, то мы предполагаем тактику, в первую оче-

редь направленную на борьбу с преступностью. Но борьбу законную, в пределах норм уголовного процесса, без излишнего обвинительного уклона с возможностью, как мы указали, выполнения двуединой задачи уголовного судопроизводства, изложенной в ст. 6 УПК. Однако принадлежность органов предварительного следствия к стороне обвинения, помноженная на выше описанную абсолютную самостоятельность названных органов, и с минусом надлежащей самостоятельности следователя фактически не может формировать законную независимую и беспристрастную криминалистическую тактику, направленную на поиск истины вне обвинения и защиты. В этом отношении, как пишут исследователи, на макроуровне правового регулирования, охватываемого принципами уголовного процесса и институтами уголовно-процессуального права, обвинительный уклон запрограммирован существующим типом уголовного процесса и прежде всего построением его досудебного производства [8, с. 95].

Отсюда современный уголовно-процессуальный механизм регламентации деятельности следственных органов, тактика их деятельности ведут к нарушению элементарных прав участников уголовного судопроизводства, которые могут проявляться в следующих тенденциях в сфере предварительного следствия:

- необоснованное возбуждение уголовных дел в отношении конкретных лиц, в результате чего лицо автоматически становится подозреваемым, и данный статус может длиться месяцами и даже годами. В целом, на наш взгляд, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, когда не имеется априори никаких доказательств, элементарно нарушает идею презумпции невиновности;

- производство следственных действий исключительно с целью обвинения лица в совершении преступления. При этом избирается соответствующая тактика, которая при инициативности и самостоятельности следователя может как грубо фальсифицировать результаты следственных действий, так и «незаметно» подводить к нужным результатам расследования. Хотя С. А. Шейфер писал, что закон должен представлять участникам следственных действий необходимые гарантии, обеспечивающие им реальную возможность осуществлять свои функции, реализовывать свои права, выступать активными субъектами доказывания [9, с. 21];

- отказ любых ходатайств стороны защиты в производстве следственных действий для собирания или проверки версий защиты, включая отказы в производстве экспертиз, допросе необходимых свидетелей, проведении очных ставок и т.д. Как мы указывали, ст. 122 и 159 УПК разрешают следователю интерпретировать любое ходатайство стороны защиты в смысле неотносимости к материалам уголовного дела и на этом основании отказывать в их удовлетворении. В данном случае при явных незаконных действиях следователя нивели-

руется само беспристрастное понятие криминалистической тактики, которая переходит в тактику обвинительного уклона;

- включение в обвинительное заключение исключительно обвинительных доказательств вместе с включением в список лиц для вызова в суд только свидетелей обвинения. Причем других свидетелей, то есть свидетелей защиты, в уголовном деле может и не быть.

Мы перечислили только самые типичные и наиболее часто встречающиеся на практике нарушения деятельности следственных органов. В то же время их трудно назвать в полном смысле «нарушениями», поскольку нормы УПК при их «должном» толковании, в том числе и судами, вполне обеспечивают законодательно все виды описанных форм работы следователей.

Из всего изложенного следует противоречие между современной тактикой органов предварительного следствия, не отвечающей сути криминалистической тактики, с одной стороны, и конституционными положениями, относимыми к правосудию, презумпции невиновности и ст. 6 УПК о назначении уголовного судопроизводства, с другой стороны. Парадоксом здесь является то, что подобная уродливая тактика следственных органов родилась из самих норм УПК, регламентирующих деятельность следственных органов как излишне самостоятельную, а отсюда безнадзорную и бесконтрольную. Мы бы даже сказали, что в таком нормативном механизме идет деградация органов следствия в России, не отвечающая ни общечеловеческим ценностям, ни Конституции РФ, ни даже теории познания, заключающейся не в поиске мифических «ведьм», а в нахождении истины как обязательного элемента содержания справедливости.

В свою очередь мы только тезисно предлагаем осуществить следующие меры, которые бы способствовали сохранению и развитию следственных органов, отвечающим задачам обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве:

- следственные органы не должны быть на стороне обвинения, а выполнять функцию объективного и всестороннего предварительного расследования для судебной власти [10, с. 182];

- сроки предварительного следствия должны продлеваться исключительно органами прокуратуры, что обеспечит подлинный прокурорский надзор за органами предварительного расследования;

- продление сроков содержания под стражей обвиняемых после 6 месяцев должно согласовываться с органами прокуратуры вплоть до права прокуроров освобождать лиц, содержащихся под стражей свыше 6 месяцев;

- любые ходатайства адвокатов и иных представителей защиты, направленные по основаниям ст. 159 УПК РФ, в случае их отказа могут быть обжалованы в суд или прокуратуру для разрешения по существу. Тем самым любые действия (бездействие) следователей, включая необходимость производства следственных действий, могут быть

обжалуемы, кроме тех, которые требуют рассмотрения уголовного дела по существу (предъявленные обвинения, составление обвинительного заключения и ряд других).

Таким образом, тактика предварительного следствия, а следовательно, криминалистическая тактика должна соответствовать требованиям уголовного судопроизводства в части выполнения принципов и задач уголовного судопроизводства. Это будет возможно, когда органы предварительного следствия будут не на стороне обвинения, их возможно будет надзирать силами прокуратуры, а действия следователей контролировать механизмами судебной защиты. В целом же все это указывает на элементарную мысль, что предварительное следствие, направленное на борьбу с преступностью, не может быть монополией только государства, а тем более монополией только следственных органов России. Борьба с преступностью – это задача всего общества в целом, и общество в лице различных социальных и государственных институтов вправе само решать, каким образом эффективно и оптимально обеспечивать свою безопасность, в том числе и от негативных действий следственных органов.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд., доп. 334 с. URL: https://studopedia.su/19_144832_belkin-r-s-kriminalisticheskaya-entsiklopediya--m-megatron-XXI---e-izd-dop---s.html.
2. Величкин С. А., Величкин Я. С. Криминалистическая тактика: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 263 с.
3. Шейфер С. А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404>.
4. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 238 с. URL: <https://unotices.com/book.php?id=268406>.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высш. образование, 2009. 343 с.
6. Избранные труды: Теория судебных доказательств: в 3 т. Т. 3 / Строгович М. С.; отв. ред.: Ларин А. М. М.: Наука, 1991. 300 с.
7. Мешков В. М. Криминалистическая тактика: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 203 с.
8. Калиновский К. Б. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: нормативные предпосылки в действующем российском законодательстве // Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М.: Норма, 2015. С. 93–103. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/2015-3.htm>.
9. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и

доказательственное значение. Самара: Издательство «Самарский университет», 2004. 191 с. URL: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf>.

10. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.

References

1. Belkin R. S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic encyclopedia]. M.: Megatron XXI, 2000. 2nd edition, enlarged, 334 p. Available at: https://studopedia.su/19_144832_belkin-r-s-kriminalisticheskaya-entsiklopediya--m-megatron-XXI---e-izd-dop---s.html [in Russian].
2. Velichkin S. A., Velichkin Ya. S. *Kriminalisticheskaya takтика: monografiya* [Forensic tactics: monograph]. M.: Yurlitinform, 2019, 263 p. [in Russian].
3. Shefer S. A. *Pravovoi mekhanizm rassledovaniya prestuplenii v Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [The legal mechanics of the investigation of a crime in Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2011, no. 5, pp. 44–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16372404> [in Russian].
4. Sheyfer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. M.: Norma, 2008, 238 p. Available at: <https://unotices.com/book.php?id=268406> [in Russian].
5. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebno-prakticheskoe posobie* [Evidence in criminal procedure: training and practical guide]. M.: Vyssh. obrazovanie, 2009, 343 p. [in Russian].
6. *Izbrannye trudy: Teoriya sudebnykh dokazatel'stv: v 3 t. T. 3. Strogovich M. S. Otv. red.: Larin A. M.* [Strogovich M. S. Selected works: Theory of evidence at law in 3 vols. Vol. 3. Larin A. M. (Ed.)]. M.: Nauka, 1991, 300 p. [in Russian].
7. Meshkov V. M. *Kriminalisticheskaya takтика: monografiya* [Forensic tactics: monograph]. M.: Yurlitinform, 2019, 203 p. [in Russian].
8. Kalinovskii K. B. *Obvinitel'nyi ukлон v ugovolnom sudoproizvodstve: normativnye predposylki v deistviyushchem rossiiskom zakonodatel'stve* [Prosecutorial bias in criminal proceedings: regulatory prerequisites in current Russian legislation]. In: *Obvinenie i opravdanie v postsovetskoi ugovolnoi yustitsii: sb. st. Pod red. V. V. Volkova* [Accusation and acquittal in post-Soviet criminal justice: collection of articles. V. V. Volkov (Ed.)]. M.: Norma, 2015, pp. 93–103. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/2015-3.htm> [in Russian].
9. Sheyfer S. A. *Sledstvennye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Samara: Izdatel'stvo «Samsarskii universitet», 2004, 191 p. Available at: <http://window.edu.ru/resource/907/46907/files/ssu34.pdf> [in Russian].
10. Tomin V. T. *Ugovolnyi protsess: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal process: topical issues of theory and practice]. M.: Yurait, 2009, 376 p. [in Russian].